

РАЗДЕЛ I

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 882

М. А. Белоногов, Т. А. Карпинец
Кузбасский государственный технический университет
им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН – РЕВОЛЮЦИОНЕР МЫСЛИ

Статья посвящена Евгению Замятину – русскому писателю, основателю всемирно популярного жанра антиутопии. В романе «Мы», описывающем высокотехнологичное общество будущего, предсказаны следующие явления, имеющие, на наш взгляд, параллели с современными реалиями: абсолютизм власти, паноптикум и социальная «прозрачность», однообразная архитектурная среда, искусственная еда, репродуктивный контроль, стандартизация внешности людей, рационалистическое представление о счастье, прагматическое представление об истине, безликие учителя – механизмы, отношение к человеку как к машине, отсутствие эмпатии, страх перед индивидуальным, иррациональным, бездушие.

Ключевые слова: Евгений Замятин, роман «Мы», антиутопия, предсказанные явления, высокотехнологичное общество, современные реалии.

Евгений Иванович Замятин – фигура многогранная. По профессии он был корабельным инженером, его работа в судостроении требовала точности, логики и расчета, а по призванию – писателем, в литературе он стремился к свободе мысли, разрушал догмы, открывал новые горизонты.

Евгений Замятин родился в 1884 г. в Лебедяни (Тамбовская губерния), в 1902 г. окончил с золотой медалью гимназию в Воронеже и поступил в Петербургский политехнический институт на кораблестроительный факультет. В студенческие годы он не только учился, но и активно участвовал в революционном движении. После успешного окончания института и нескольких лет преподавательской деятельности в 1916 г. он был направлен для работы над строительством ледоколов в Англию, однако после отречения от престола Николая II в 1917 г. вернулся в революционную Россию.

После Октябрьской революции Замятин разочаровался в новой власти. Он критиковал цензуру и подавление свободы мысли. В этот период

он написал роман «Мы» (1920 г.), который в СССР не был напечатан, т. к. считался «идеологически враждебным». Его рукопись удалось вывезти за границу, и в 1924 г. роман вышел сначала на английском языке, затем на других языках. По-русски он был издан только в 1952 г. в Нью-Йорке.

В 1931 г., не выдержав давления цензуры и запрета на публикации, Замятин обратился к Сталину с просьбой об эмиграции, которая была удовлетворена. Он уехал в Париж, где продолжал писать. Умер Евгений Замятин во Франции в 1937 г., оставив после себя произведения, оказавшие влияние на творчество таких всемирно известных авторов, как Джордж Оруэлл, Олдос Хаксли, Рэй Брэдбери.

Самое известное произведение Е. Замятина – роман «Мы» – стало первой антиутопией в мировой литературе. Жанр «Мы» – синтетический: это и философский трактат, и политический памфлет, и любовно-психологический роман, и авантюрная история, и научная фантастика, и все это – в форме дневника, состоящего из сорока конспектов. Языковое построение текста и структурирование вымышленной реальности своеобразно: Замятин использует литературные приемы, характерные для художественного стиля, сочетая их с математическими понятиями, что позволяет моделировать механизмы социального устройства и способствует более глубокой рефлексии относительно природы человека.

Вслед за Джорджем Оруэллом, написавшим рецензию на «Мы», можно отметить, что произведение Замятина, содержащее предсказание многих современных реалий, сохраняет актуальность и представляет собой предупреждение о возможных тенденциях общественного развития, связанных с утратой внешней и внутренней свободы, индивидуальности и подавлением личности механизированной средой [Оруэлл, 1946].

На наш взгляд, новаторские идеи Е. Замятина, репрезентирующие облик высокотехнологичного будущего, основанного на научных достижениях, нашли воплощение в следующих актуальных для дальнейшего времени и сегодняшнего дня явлениях.

1. Абсолютизм власти. В качестве абсолютного властителя Замятин выдвигает фигуру Благодетеля, осуществляющего контроль над всеми аспектами жизни общества. Образ Благодетеля представляет собой многослойную аллегория, объединяющую функции тирана, идеолога и верховного жреца тоталитарного государства.

«А наверху, на Кубе, возле Машины – неподвижная, как из металла, фигура того, кого мы именуем Благодетелем. Лица отсюда, снизу, не разглядеть: видно только, что оно ограничено строгими, величественными, квадратными очертаниями» [Замятин, 2023, С. 61]. *«Вижу только Его огромные, чугунные руки – на коленях. Эти руки давили Его самого, подгибали колени. Он медленно шевелил пальцами. Лицо – где-то в тумане, вверху, и будто вот только потому, что голос Его доходил ко мне с такой высоты, – он не гремел как гром, не оглушал меня, а все же был похож на обыкновенный человеческий голос»* [Замятин, 2023, С. 212].

Тоталитарный правитель возвышается над обществом и подавляет его своей неизменной, механистической мощью, его голос, хотя и напоминает человеческий, доносится с такой высоты, что воспринимается как глас небожителя, сообщающий строгие указания. Любая попытка отклониться от предписанного курса превращается в вызов установленному порядку и рассматривается как преступление.

Автор показывает, что подобный политический режим неизбежно ведет к деградации общества, неспособности к самостоятельному мышлению и творчеству. Замятин писал Сталину: *«Для меня, как для писателя, именно смертным приговором является лишение возможности писать, а обстоятельства сложились так, что продолжать свою работу я не могу, потому что никакое творчество немыслимо, если приходится работать в атмосфере систематической, год от году все усиливающейся, травли»* [Замятин, 1931].

Концепция абсолютного контроля в романе отражает суть авторитарных режимов, в которых власть превращается в неподвижную, моно-

литную, жесткую конструкцию, не допускающую изменений и не признающую индивидуальных свободных человеческих проявлений.

В современных реалиях можно провести параллель между описанным Замятиным режимом и существующими тоталитарными системами. В частности, в Северной Корее установлена политическая система, основанная на культе личности. Династия Кимов осуществляет полный контроль над информацией, запрещает альтернативные взгляды и требует абсолютного подчинения от граждан. В идеологическом аппарате КНДР значительную роль играет механизм принудительной социализации: с детства население подвергается интенсивной идеологической обработке, а любое несоответствие господствующей доктрине жестко пресекается посредством репрессивных мер. Дополнительное сходство прослеживается в концепции замкнутого пространства. В «Мы» Зеленая Стена отделяет цивилизованный мир от дикой природы. В КНДР действует схожая практика информационной изоляции: граждане лишены доступа к альтернативным источникам информации, а возможность покинуть страну строго ограничена.

2. Паноптикум и социальная «прозрачность». Замятин представляет механизмы тотального контроля над обществом, одним из проявлений которого является система наблюдения и репрессий: *«Теперь эти мембраны, изящно задекорированные, на всех проспектах записывают для 246 Бюро Хранителей уличные разговоры»* [Замятин, 2023, с.68]. *«И для того, чтобы выкинуть вон погнувшийся болт – у нас есть искусная, тяжелая рука Благодетеля, у нас есть опытный глаз Хранителей...»* [Замятин, 2023, С. 33].

Фрагменты подчеркивают роль Хранителей как инструмента слежки и принуждения, обеспечивающего строгую регуляцию поведения людей (нумеров). Их деятельность направлена на поддержание общественного порядка, а любые отклонения от нормального функционирования системы воспринимаются как дефекты, подлежащие устранению. Социальная «про-

зрачность» подразумевает абсолютную доступность для наблюдения и контроля всех сфер жизни, просматривание их насквозь.

Современные технологии видеонаблюдения, системы распознавания лиц и цифровые инструменты анализа поведения демонстрируют схожие механизмы контроля. В реальном мире аналогами Хранителей становятся алгоритмы слежения, используемые как государственными структурами, так и частными корпорациями. Данные собираются через интернет, социальные сети и мобильные устройства, позволяя анализировать поведение человека и предсказывать его действия [Владимирский, 2025] Такой цифровой надзор трансформирует традиционные методы социального контроля, делая его более скрытым, но при этом более эффективным.

3. Однообразная архитектурная среда. В романе «Мы» архитектурная среда представлена как воплощение идеалов рационализма и унификации: *«... увидел все: непреложные прямые улицы, брызжащее лучами стекло мостовых, божественные параллелепипеды прозрачных жилищ, квадратную гармонию серо-голубых шеренг»* [Замятин, 2023, С. 25].

Городская среда описывается в строгих геометрических терминах, подчеркивается ее математическая упорядоченность [Тарасова, 2025]. Прямые улицы, прозрачные жилища и симметричные строения символизируют устранение хаотичности, разнообразия, свойственной естественной среде, и отражают стремление к полной стандартизации.

Современные мегаполисы также демонстрируют тенденцию к визуальному унифицированию. Высотные здания, возводимые по схожим архитектурным принципам, создают городские пространства, в которых минимализм и функциональность становятся доминирующими характеристиками. Этот процесс можно рассматривать как отражение глобального стремления к рационализации городской среды, в рамках которого специфические особенности архитектуры, а следовательно, условий жизни, отступают перед принципами массового строительства и однотипной жизнедеятельности. Кроме того, социальные сети, публичные профили способ-

ствуют формированию среды, в которой люди демонстрируют свою жизнь в упорядоченной и предсказуемой форме. Таким образом, архитектурная унификация в произведении становится метафорой социальной гомогенизации.

4. Искусственная еда. В тексте представлен радикальный технологический сдвиг в сфере питания, символизирующий глубокие социальные и научно-технические трансформации: *«Была изобретена наша теперешняя, нефтяная пища. Правда, выжило только 0,2 населения земного шара. Но зато – очищенное от тысячелетней грязи – каким сияющим стало лицо земли»* [Замятин, 2023, С. 39].

Данная метафора демонстрирует радикальное изменение способов производства и потребления пищи, отражая идею глобального технологического переворота, ведущего к редукции населения и формированию нового социального порядка [Тарасова, 2025].

Этот прогноз коррелирует с современными тенденциями в области продовольственных технологий, связанными с переходом от традиционных источников пищи к их индустриальным аналогам. В настоящее время наблюдается активное развитие альтернативных продуктов питания, таких как искусственное мясо, растительные белки и другие инновационные решения, направленные на оптимизацию ресурсопотребления и снижение экологической нагрузки. Современная пищевая индустрия аналогично изображенной в романе ориентирована на поиск новых технологий, способных заменить традиционные продукты.

5. Репродуктивный контроль. Явление упорядочивания, рационализации и контроля распространяется и на сферу воспроизводства населения: *«Не смешно ли: знать садоводство, куроводство, рыбоводство (у нас есть точные данные, что они знали все это) и не суметь дойти до последней ступени этой логической лестницы: детоводство. Не додуматься до наших Материнской и Отцовской Норм»* [Замятин, 2023, С. 32-33].

Концепцию «детоводства» – управляемого процесса рождения и воспитания детей, соответствующих установленным государственным стандартам, – можно рассматривать как предвосхищение современных идей о генной инженерии, репродуктивных технологиях и евгенике [Владимирский, 2025].

Современные исследования в области редактирования генома (CRISPR/Cas9) уже позволяют вносить изменения в ДНК эмбрионов, что вызывает этические дискуссии о допустимости вмешательства в процесс естественного развития человека [CRISPR, 2021]. В реальности подобные технологии могут привести к возникновению новых социальных и моральных дилемм, связанных с границами вмешательства в человеческую природу.

6. Стандартизация внешности людей. У Замятина демонстрируется механистичность и стандартизация общества через образ нумеров: *«Мерными рядами, по четыре, восторженно отбивая такт, шли нумера – сотни, тысячи нумеров, в голубоватых юнифах, с золотыми бляхами на груди – государственный номер каждого и каждой»* [Замятин, 2023, С. 25]. Из диалога, который ведут Д-503 и I-330, можно выявить, что главный герой мечтает об устранении внешних, физических различий между людьми и исчезновении зависти к тем, кто выглядит более привлекательно: *«Наука растет, и ясно – если не сейчас, так через пятьдесят, сто лет... – Даже носы у всех... – Да, носы, – я уже почти кричал»* [Замятин, 2023, С. 27]. Единообразие во внешности, одежде и поведении становится инструментом системного управления, привитием четко установленных правил и норм, внушением одинаковых мыслей, приведением всех членов общества в соответствие с заданными требованиями.

В современных реалиях можно провести параллели с социальными тенденциями, направленными на унификацию визуального и поведенческого образа. Массовая культура, рекламные стратегии и социальные сети формируют стандартизированные представления о том, как должен выгля-

деть и вести себя «правильный» член общества. Данная стандартизация проявляется, например, в дресс-кодах корпоративной среды, тенденциях в моде, в том числе на антропологические параметры. Современные исследования в области социальной психологии показывают, что давление социальных норм может приводить к конформизму, снижению уровня креативности и самовыражения. Это особенно заметно в эпоху цифровых технологий, когда алгоритмы медиакоммуникаций усиливают эталонные представления, ограничивая разнообразие мировосприятия.

7. Рационалистическое представление о счастье. У Замятина концепция счастья выражается в виде рациональной категории, поддающейся формальному описанию: *«Но не ясно ли: блаженство и зависть – это числитель и знаменатель дроби, именуемой счастьем... Естественно, что, подчинив себе Голод (алгебраически = сумме внешних благ), Единое Государство повело наступление против другого владыки мира – против Любви. Наконец и эта стихия была тоже побеждена... Ясно: поводов для зависти – нет уже никаких, знаменатель дроби счастья приведен к нулю – дробь превращается в великолепную бесконечность»* [Замятин, 2023, С. 39-40].

Данный фрагмент демонстрирует попытку автора представить эмоциональное состояние довольства в виде абстрактной математической модели. Такая интерпретация отражает стремление общества, изображенного в романе, к абсолютному, тотальному благополучию путем нивелирования факторов, вызывающих социальное неравенство.

Современные экономические и философские дискуссии, связанные с концепцией безусловного базового дохода или принципами социальной справедливости, демонстрируют сходный подход: предполагается, что устранение экономического неравенства и факторов, порождающих зависть, должно привести к повышению общего уровня благополучия. В этом контексте идея «великолепной бесконечности» может рассматриваться как утопическая.

8. Прагматическое представление об истине. В художественном пространстве текста истина воспринимается как строго детерминированная и неизменная величины: *«Истина – одна, и истинный путь – один; и эта истина – дважды два, и этот истинный путь – четыре. И разве не абсурдом было бы, если бы эти ... двойки – стали думать о какой-то свободе, то есть ясно – об ошибке?»* [Замятин, 2023, С. 81].

Данный фрагмент иллюстрирует концепцию объективной истины, подчиненной логике и математическим законам. Возможность свободного мышления, познания смысла, поиска этой важной философской категории отвергается как таковая.

В современных реалиях данный редуccionистский подход находит отражение в процессах алгоритмизации и цифровизации общества. Сложность осознания человеческого опыта и извлечение из него инварианта мудрости упрощается до количественных показателей. Кроме того, актуализируется тенденция прагматического отношения к деятельности: если определенные усилия не приносят непосредственной выгоды, они могут восприниматься как нецелесообразные. Это находит выражение в экономической и социальной сферах, где мотивация к труду, обучению или творчеству зачастую определяется исключительно материальными или финансовыми показателями эффективности.

9. Безликие учителя – механизмы. Главный герой Д-503 вспоминает о своем учителе Пляпе – роботе, передающем знания посредством громкоговорителя: *«...Пляпа, наш математик. Мы прозвали его Пляпой; он был уже изрядно подержанный, разболтанный, и когда дежурный вставлял в него сзади штепсель, то из громкоговорителя всегда сначала: «Пля-пля-пля-тииии», а потом уже урок»* [Замятин, 2023, С. 54-55].

Данный персонаж представляет собой аллегория обезличенного, лишённого индивидуальности образования, в процессе которого учитель-механизм взаимодействует с учениками, выполняя функцию трансляции информации. Такая модель урока исключает вариативность подачи мате-

риала и живой диалог между преподавателем и учащимися. При этом личность как субъекта, так и объекта обучения перестает играть существенную роль. Современные тенденции в сфере образования во многом коррелируют с данной концепцией. Развитие искусственного интеллекта, алгоритмических образовательных платформ и дистанционного обучения приводит к автоматизации передачи знаний. Хотя подобные технологии способствуют доступности образования, они одновременно ограничивают возможности критического осмысления материала и формирования самостоятельного мышления.

10. Отношение к человеку как к машине. В вымышленном мире будущего, созданном писателем, жизнь каждого отдельного индивидуума, называющегося номером и таким образом уподобляющегося неодушевленному предмету, расписана по минутам и сведена к функционированию выполняющего заданную работу механизма: *«Но Часовая Скрижаль каждого из нас наяву превращает в стального шестиколесного героя великой поэмы. Каждое утро, с шестиколесной точностью, в один и тот же час и в одну и ту же минуту, – мы, миллионы, встаем как один. В один и тот же час, единомиллионно, начинаем работу – единомиллионно кончаем»* [Замятин, 2023, С. 31]. Выполнение предустановленных действий не предполагает обдумывания и нахождения собственных смыслов, стремления к индивидуальным целям, оно направлено на бесперебойную работу во благо государства.

Однако в одном из эпизодов с помощью технической метафоры описано, к чему может привести состояние предельного перенапряжения: *«Я – как машина, пущенная на слишком большое число оборотов: подшипники накалились, еще минута – закапает расплавленный металл, и все – в ничто»* [Замятин, 2023, С. 142]. Так автор демонстрирует: чрезмерное напряжение неизбежно приводит к коллапсу, что можно интерпретировать как предостережение против жестко регламентированной жизни в состоянии постоянного неосознаваемого или одобряемого стресса и давления.

Современные параллели можно провести с феноменом эмоционального выгорания и кризисами ментального здоровья, характерными для общества высокой производительности. В условиях, когда человек вынужден функционировать на пределе своих возможностей, он постепенно перестает критически осмысливать происходящее, ощущает себя «растворенным» в бесконечном ритме жизни и утрачивает собственную идентичность.

11. Отсутствие эмпатии. В «Мы» представлен мир, в котором человеческая жизнь сведена к математической условности, и находящийся рядом субъект воспринимается отчужденно, как некая абстракция: *«При первом ходе (= выстреле) под дулом двигателя оказался с десятков зазевавшихся номеров ... от них ровно ничего не осталось, кроме каких-то крошек и сажки. ... Десять номеров ... при практических расчетах – это бесконечно малая третьего порядка»* [Замятин, 2023, С.117].

В данном случае утрата человеческих жизней представлена как незначительное количественное изменение, не вызывающее никаких эмоций у участвовавшего в эксперименте инженера. Использование математического термина «бесконечно малая третьего порядка» иллюстрирует, насколько незначительной воспринимается смерть в рамках общества, где господствует принцип функциональной целесообразности.

Современные параллели данного феномена можно наблюдать в массовых бюрократических и статистических подходах, где человеческие чувства и индивидуальные страдания часто оказываются невидимыми за обезличенными данными. В условиях цифровизации общества и алгоритмизации управления населением, ценность отдельной личности может редуцироваться до количественного показателя, что способствует дегуманизации.

12. Страх перед индивидуальным, иррациональным, бездушие. Внутренний мир человека будущего, изображенного в романе, таков, что личностные характеристики, творческое начало и индивидуальность утрачивают ценность, если они не соответствуют заданным параметрам, отличаются от мировосприятия, характерного для всех. Инакомыслие, непохо-

жесть, уникальность пугает, отталкивает и является поводом для преследования и уничтожения: *«Я, быть может, уже не фагоцит, деловито и спокойно пожирающий микробов (с голубым виском и веснушчатых): я, быть может, микроб, и, может быть, их – уже тысячи среди нас, еще прикидывающихся, как и я, фагоцитами...»* [Замятин, 2023, С. 137].

Осознание того, что сам герой может превратиться в «микроба» – чуждый элемент в системе – провоцирует внутренний конфликт и ужас перед неизбежным столкновением с чем-то противозаконным, хаотичным.

Подобный экзистенциальный страх охватывает героя при изучении иррациональных чисел: *«Пляпа рассказал об иррациональных числах – и, помню, я плакал, бил кулаками об стол и вопил: «Не хочу $\sqrt{-1}$! Выньте из меня $\sqrt{-1}$!» ... Я хитрил сам с собой, я лгал себе – только чтобы не увидеть $\sqrt{-1}$ »* [Замятин, 2023, С. 55]. Такое явление, выходящее за границы упорядоченной картины мира, вызывает неприятие, заставляет страдать, воспринимается как сигнал опасности, угроза стабильности, оно ставит под сомнение незыблемость кажущегося идеальным мира.

Неразгаданное «изумительное уравнение» – $\sqrt{-1}$ – символизирует душу как средоточие индивидуальных психологических характеристик личности, имеющих нематериальную природу, проявляющуюся как иррациональная субстанция, творческое начало. Однако в фантастическом пространстве романа наличие души считается опасной, неизлечимой болезнью: *«– Плохо ваше дело! По-видимому, у вас образовалась душа. – Это...очень опасно? – пролепетал я. – Неизлечимо, – отрезали ножницы»* [Замятин, 2023, С. 99]. *«– В чем дело? Как: душа? Душа, вы говорите? Черт знает что! Этак мы скоро и до холеры дойдем... я вам говорил: надо у всех – у всех фантазию... Экстирпировать фантазию. Тут только хирургия, только одна хирургия...»* [Замятин, 2023, С. 101].

В конце произведения прооперированный главный герой, номер Д-503, лишенный фантазии, а значит, души, утративший возможность свободно мыслить, чувствовать и мечтать, возвращается к исходной доктрине,

незыблемым принципам Единого Государства, в котором Благодетель ведет за собой нумеров к «благодетельному игу разума» и «математически безошибочному счастью» [Орлова, 2009, С. 27]. «...Разум должен победить» [Замятин, 2023, С. 232], – такими словами заканчивается роман-антиутопия.

В современном мире страх перед иррациональным проявляется в стремлении общества к предсказуемости, прогнозируемости и полному контролю за всеми сферами жизнедеятельности. Так, в сфере культуры применение искусственного интеллекта позволяет создавать социально и коммерчески «успешные» сценарии фильмов, книг, образцы музыки, картин и т. д. При этом иррациональные, оригинальные, хаотичные идеи, порожденные воображением на основе индивидуального опыта, благодаря неповторимому устройству души свободно мыслящего человека-творца, могут оказаться неактуальными.

Творческая интуиция Е. Замятина позволила революционно мыслящему писателю увидеть проблему сохранения души и общечеловеческих ценностей, которые необходимы обществу в любую эпоху [Капустина, 2001, С.107]. Замятин не просто предсказал будущее, он задал направление для всей антиутопической литературы XX и XXI вв. Мир, в котором личность подчинена системе, где свобода приносится в жертву мнимому благополучию, перестал быть фантастикой – он стал реальностью в той или иной форме. В эпоху цифрового контроля, информационных манипуляций и алгоритмов, обещающих человеку решить его проблемы и сделать счастливым, предупреждения Замятина звучат с новой силой.

Библиографический список

1. Владимирский, В. Как «Мы» повлияли на литературу XX века // Русская литература XX века – Сезон 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arzamas.academy/materials/961>. (дата обращения 7.04.2025).
2. Замятин, Е. И. Мы: Роман. Повести. Рассказы. – М.: Детская и юношеская книга, 2023. – 464 с.
3. Замятин, Е. И. Письмо Сталину // Переписка Замятина. 1931. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zamyatin.lit-info.ru/zamyatin/zamyatin-kritika/pismo-stalinu.htm>. (дата обращения 7.04.2025)..

4. Капустина, С. Н. Момент рождения души в романе Е. Замятина «Мы» // Вестник МГПУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2001. – IV Державинские чтения. – С. 105-107 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/moment-rozhdeniya-dushi-v-romane-e-zamyatina-my/viewer>. (дата обращения 7.04.2025).

5. Орлова, Е. А. Роман Е. Замятина «Мы» в контексте русских национальных и христианских представлений о душе // Вестник ТГУ. Сер. Гуманитарные науки. Филология. – Вып. 9 (73). – 2009. – С. 26-32 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-e-i-zamyatina-my-v-kontekste-russkih-natsionalnyh-i-hristianskih-predstavleniy-o-dushe-funktsionalnaya-semantika-uzusa-skobok-v/viewer>. (дата обращения 7.04.2025).

6. Оруэлл, Дж. Рецензия на «Мы» Е. И. Замятина. 1946. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.orwell.ru/library/reviews/zamyatin/russian/r_zamy. (дата обращения 7.04.2025).

7. Тарасова, Е. Что предсказал Евгений Замятин // Культура. РФ – Участникам СВО и их семьям [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.culture.ru/materials/254071/chto-predskazal-evgenii-zamyatin>. (дата обращения 7.04.2025).

8. CRISPR Basics. 21.01.2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://leighhenderson.github.io/CRISPR_basics/. (дата обращения 7.04.2025).

T. A. Karpinets, M.A. Belonogov

T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

EVGENY ZAMYATIN – A REVOLUTIONARY OF THOUGHT

The article is dedicated to Yevgeny Zamyatin, a Russian writer and founder of the world-famous dystopian genre. The novel “We”, which describes a high-tech society of the future, predicts the following phenomena, which, in our opinion, have parallels with modern realities: absolutism of power, panopticon and social “transparency”, monotonous architectural environment, artificial food, reproductive control, standardization of people's appearance, rationalistic idea about happiness, pragmatic idea about truth, faceless teachers - mechanisms, attitude towards a person as a machine, lack of empathy, fear of otherness, fear of irrational, lack of soul.

Keywords: *Yevgeny Zamyatin, novel “We”, dystopia, predicted phenomena, high-tech society, modern realities.*

Сведения об авторах

БЕЛОНОВ МАТВЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – студент (гр. ПИБ-2411) ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева», Институт Экономики и управления г. Кемерово, e-mail: mottihon2005@gmail.com

КАРПИНЕЦ ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово, e-mail: karpinecta@kuzstu.ru

Information about the authors

BELONOGOV MATVEY ALEXANDROVICH – student (PIb-241 class), T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Institute of Economics and Management, Kemerovo, Russia, e-mail: mottihon2005@gmail.com

KARPINETS TATIANA ANATOLYEVNA – Candidate of Philological Sciences, associate professor, civil Engineering Institute, associate professor of the department of history, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia, e-mail: karpinecta@kuzstu.ru